

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 321:297

А.В. Малашенко

Государство и ислам в России¹

Московский Центр Карнеги; amalashenko@carnegie.ru

Статья посвящена роли политического ислама в современной России и мире. Автор рассматривает политический ислам как глобальный феномен, а также обозначает основные направления взаимодействия религии и государства для решения внутрисоссийских проблем.

Ключевые слова: *ислам, политический ислам, арабская весна, государство, мусульманское духовенство.*

The article discusses the role of political Islam in modern Russia and the world. The author considers political Islam as a global phenomenon and also indicates the main directions of interaction of religion and the state to resolve domestic problems.

Keywords: *Islam, political Islam, Arab spring, the state, the Muslim clergy.*

Ислам сегодня сталкивается с множеством проблем. А когда он не сталкивался? Да любая религия, например христианство, не сталкивается с проблемами? Не только ислам. Разве в VII в. не было проблем у ислама? В XVIII в. не было проблем? А в XIX в. не было? Проблемы всегда были, они неизбежны. Весь вопрос: как к ним относиться, как их воспринимать. Любые проблемы, в т. ч. и то, что мы называем религиозно-политическим экстремизмом, который тоже был всегда, и не только в исламе. Разве его не было в христианстве? Еще как был! А что такое инквизиция, к примеру? Поэтому для понимания всего того, что сейчас происходит везде, не только в Дагестане, не только на Кавказе, прежде чем делать какие-то выводы, нужно вздохнуть, подумать 15 минут, 15 секунд, а уже потом давать какие-то советы. Потому что мы этих советов такое количество за последние 20 лет успели дать! То у нас были ваххабиты на каждом шагу, даже на Красной площади и ещё где-то. Поэтому, изучая такую тонкую проблему, как религия, особенно ислам, нужно быть всегда толерантным.

За 20 лет после распада Советского Союза мы не привыкли к тому, что Кавказ, особенно Дагестан, – это ещё часть мусульманского мира. Я не буду объяснять, как, что и почему, но вот этот самый переход к пониманию важности религиозной идентичности, её огромного значения – по-моему, мы только-только к этому начинаем подступать. Давайте будем говорить правду: очень долгое время это вызывало изумление и даже раздражение.

Посмотрите, с чем мы имеем дело. Скажем, Ближний Восток, да и вообще мусульманский мир, находится в состоянии транзита. Россия тоже находится в состоянии транзита, Кавказ находится в состоянии транзита. Как жить в этих условиях, как работать, когда мы ощущаем, что куда-то движемся, но пока ещё не осознавая даже, куда? Мне не очень нравится, когда говорят, что произошла арабская революция, Арабская весна – это происки империалистов. Полная глупость, и слава богу, что в нашей офици-

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на Всероссийской научной конференции «Ислам в начале XXI века», прошедшей в г. Махачкале РД 19–20 декабря 2013 года.

альной программе во внешней политике уже от этого начали отказываться. Но они не поняли, что такое Арабская весна. Плохо это или хорошо? Это, конечно, плохо, но это неизбежно. Потому что всего понять невозможно. И наука, и исследователи редко что-либо предугадывают. Мы идём вслед за событиями. Мы совершаем ошибки так же, как и политики. Но проще всего критиковать: «Этот не прав. Тот не прав! Этот не понял». Та обстановка, в которой мы живём, в которой мы действуем, особенно в политике, она настолько тяжела, что ошибки совершаются не по злобе, а по искренности. Это тоже надо понять. Нельзя повсюду искать врагов: «Вот, он сознательно нам навредил». Нет. В этом тройном транзите, в котором мы находимся, ошибки неизбежны, поэтому нужно не столько ругать, хотя ругать тоже нужно, сколько попытаться исправить. А времени мало, потому что есть процессы, которые запущены, которые мы не можем остановить, в которых мы не можем разобраться. В том числе тот самый экстремизм. Проще всего поставить печать: «экстремист». Всё! Почему экстремизм стал уже глобальным феноменом? Это что, все бандиты и уголовники? Нет. Проще всего клеймить, а труднее всего – разобраться. После этой краткой преамбулы я скажу несколько слов об отношениях между исламом и государством.

Сама проблема отношений между исламом и государством неверно сформулирована. То есть в принципе мы понимаем, о чём идёт речь. Проблема в отношении государства к исламу и восприятию ислама самыми разными силами российского государства. Почему сейчас эта тема весьма острая? Потому что государство допустило огромное количество ошибок в отношении с исламом и мусульманами. Вы скажете, что это банальность, мы это уже слышали. Но о том, что необходимо выработать какую-либо государственную стратегию в отношении ислама, говорилось много, писалось много, но в итоге ничего не получилось. Кстати говоря, это одна из причин того, что мы сегодня имеем.

Во-первых, восприятие ислама на государственном и политическом уровне было достаточно примитивным. Во-вторых, исламу отказывалось в многообразии. В-третьих, после распада Советского Союза при Ельцине эта программа была продолжена, всё время требовалось, чтобы ислам был один-единственный, тот, который выгоден государству: полностью лояльный, полностью контролируемый. При Советском Союзе такое было возможно. Православие фактически не подчинено государству, но тесно сотрудничает с ним и фактически повторяет то, что говорит государство, а с исламом не получается. Ислам такой разнообразный. И желание его унифицировать, сделать его полностью лояльным – это была одна из больших ошибок. Это, в конечном счёте, привело к тому, что в исламе, среди мусульманского сообщества появились вот эти протестные настроения. Это одна из причин. Я могу назвать и другие причины, но то, что государство не осознало, что через ислам может передаваться протест, что ислам так или иначе может быть политизирован, как, между прочим, и православие. Только ислам это делает более честно, более открыто и более ярко. Вот этого никак не хотят понимать.

Если вы посмотрите на публикации – всё время борьба с оппозицией, и оппозиция выражается через ислам, особенно на Кавказе. Хотя и не только на Кавказе, но и в Поволжье, и даже в Москве. Всё время было ощущение, что где-то там посреди ислама, что где-то там посреди мусульманского сообщества кроются какие-то враги: внешние, внутренние, что есть оппозиция и всё такое прочее. Когда мы говорим про ислам, то официально провозглашаем: «Да, диалог цивилизаций, религия мира», но фактически была настороженность и был страх, который, естественно, удваивался и даже утраивался тем, что происходило вовне. Если я назову вам имя Бен Ладен, то вы не удиви-

тес, но так или иначе когда произносится слово «ислам», то: «Да он, конечно, террорист!», «Да он – Бен Ладен!». Это был страх, и не только в России, не только в российской политике, но и везде. Почему? Это отдельная тема. И даже интимная, я бы даже сказал, проблема. Но временами ощущение, что всё то, что в исламе непонятно, опасно и страшно, – и культивировалось, и абсолютизировалось, и прикрывалось разговорами об идеологии. Очень многие участвовали в такого рода мероприятиях, когда одно говорилось, а другое думалось. И не только в России, не только на Кавказе, но и по всему миру. Я бывал на конференциях в Европе, где тоже говорили: «Да, мы будем...». Потом те же самые люди выходили в коридоры и говорили, что ислам – это опасность, те же самые люди. Это ошибка. Это нагнетание враждебности. Это страх даже не перед исламом как таковым. Это страх перед той ситуацией, которая возникла.

И, к сожалению, такая ситуация до сих пор сохраняется. И то, что произошло на Ближнем Востоке, происходит и будет происходить, это тоже будет к этому подталкивать. В этом надо разбираться спокойно. Когда всё время пугали политическим исламом, не понимали, что это такое. Это тоже было раньше. А потом, когда к власти в Египте пришёл «брат-мусульманин», что казалось вообще невозможным, его тут же признали, его тут же пригласили. Обратите внимание, какое шатание, какой разброд и полное отсутствие перспектив для Египта. Пришли «братья» – признали «братьев». Но когда «братья» ушли, то все обрадовались. Я имею в виду в Москве. Я понимаю, что есть дипломатия, что есть политика, но стратегического видения того, что происходит на Ближнем Востоке и во всём мусульманском мире, сейчас не существует. Причём не только в России, но и по всему миру.

Мне приходится бывать и в Европе, и в Штатах, разговаривать с самыми разными людьми на эту тему. В Штатах, действительно, люди, которые пытаются давать советы по Ближнему Востоку, в т. ч. по исламу, приватно признают, что очень туго в этом разбираются, очень туго. Они отходят от той враждебности, которая была раньше, при Буше, при республиканцах, до этого. Но у них не получается до конца. Мы как-то – во всяком случае, я – очень часто любим критиковать бывшую советскую власть, но вот то, что произошло за последние полгода в отношении государства к исламу, показывает, что начинают происходить какие-то сдвиги. Происходит осознание той роли, которую играет мусульманское сообщество России для всего государства. Намечился отход не от враждебности, а от какого-то страха. Я очень хочу в это верить. Кажется, начинает возникать ощущение, что мы действительно многоконфессиональное государство на деле, а не на словах, потому что мы об этом болтали много. И возникает вопрос довольно неожиданный, так скажем, – социализация мусульманского сообщества.

Ясно и достаточно чётко это было определено не кем-нибудь, а В. Путиным в октябре 2013 г., когда он выступал в Уфе. Там действительно была очень любопытная речь. Во-первых, впервые на встрече с муфтиями речь президента, посвящённая исламу, была взвешенной, во-вторых, чувствовалось осознание тех проблем, которые есть внутри российского ислама, внутри мусульманского сообщества, вокруг него, и не указывались пути, как это было при КПСС, но обозначались те проблемы, которые связаны и с исламом, и с мусульманами, и с тем, как предстоит совместно работать здесь, в России, и мусульманам, и немусульманам. Я сказал здесь про социализацию. Сейчас поставлен вопрос о включении мусульманского сообщества в российское общество. А что раньше было? Как это было? И президент вдруг это осознаёт и говорит об этом, во всяком случае видно, что раньше с точки зрения Кремля, с точки зрения верхов этого не происходило, либо происходило слабо и надо этим всерьёз заняться. То есть, дей-

ствительно, подкрепить образ России как многоконфессионального государства. Об этом там говорилось. Это первое.

Второе. Фактически В. Путин признал, важно, что именно он, потому что до этого и Е. Примаков, и самые разные люди говорили о том, что политический ислам – это не так уж и плохо, что там есть какие-то позитивные моменты. Я не буду сейчас зачитывать эту цитату. Кто хочет – может посмотреть. Но выясняется, что это феномен – политический ислам, а мы знаем, что политический ислам. Через запятую: это и исламизм, и фундаментализм, ещё что-то, ещё что-то. Но Путин выбрал такую нейтральную форму, как политический ислам, и признал: «Да, он есть. И не надо его так бояться, как это было принято». А это очень важный шаг, потому что если наверху признают существование, так скажем, политического ислама, то это уже плюс. Значит, можно понять, что есть такой ислам – и есть другой ислам. Это, конечно, сделано под влиянием Арабской весны и всего прочего, а также под влиянием внутренней ситуации. Мы так долго долбили об этом, что это плохо... Действительно, да, это неприятно. А что, нет политического православия, что ли? Ещё как есть. Там можно говорить, что есть ярко выраженная политическая тенденция, так, знаете... очень аккуратно. Но это есть данность. Ну давайте признаем наконец, что отрезать религию от политики, от государства мы не можем. Да, секуляризм! Да, Конституция. Но сей факт возможен или нет? Даже в Европе гордятся тем, что у них религия отделена от государства, что там полная секуляризация. Но опять-таки не получается! И никогда не получится.

Если мы признаём, что не получится вот этого надрыва, значит, нам нужно думать в том направлении, как может взаимодействовать религия с государством, каким образом она является политическим фактором. Если мы это не признаём, тогда мы вообще ничего не поймём, что происходит на том же Ближнем Востоке. Сам Путин упомянул политический ислам не в негативном контексте, а в таком, знаете ли: «И так хорошо, и так хорошо, но тут есть проблемы»... И если так дальше пойдёт, то я думаю, что это принесёт какую-то пользу. Да, придётся как-то трансформировать своё отношение к кавказскому исламу. Это безусловно. Как? Потом посмотрим, но уже есть какие-то моменты, которые мне лично очень понравились.

Ещё одна важная проблема была поставлена уже конкретно перед духовенством – это миграция. Причём, когда я говорю о миграции, я имею в виду движение мусульманских народов по России. Конечно, вы читали наши газеты, что все мигранты – бандиты и т. д. Но то, что президент обращается к духовенству, что это ваши единоверцы приезжают сюда, и вы должны каким-то образом участвовать в организации отношений между ними, мусульманами и немусульманами, что каким-то образом надо этих людей приучать, что они живут не у себя в ауле, а здесь, что вы должны работать с этой частью населения, – это, во-первых, признание ислама как политического фактора, это признание большого значения мусульманских духовных лиц как социально-политического вектора, это признание того, что это навсегда. Разговоры о том, что «Москва может жить вообще без мусульман Северного Кавказа», – чушь! Этого быть не может! Наконец-то таким косвенным образом поставлена задача перед мусульманским духовенством работать в этом направлении... ну дай бог, уже нет отказа. Это тоже очень важный момент.

Другой момент, который у меня вызывает негатив и сомнения. Недавно состоялась конференция в Татарстане. Там рассматривались проблемы традиционного и нетрадиционного ислама, и местные учёные и некоторые духовные лица пришли к выводу, что пора отказываться от такого жёсткого деления: традиционный – нетрадиционный. Это отдельная тема для разговора. Это очень непростая тема. Но я считаю, что от такого

деления (и в речи президента это тоже присутствовало) нужно постепенно избавляться. Как – не знаю, но, наверное, нужна совместная работа и духовенства, и учёных. Потому что если всё это будет продолжаться, то мы очень далеко зайдём. Как раз сейчас идёт диалог между традиционным и нетрадиционным исламом, и это очень хорошо. Другое дело, что он идёт, ну, вы лучше меня знаете, как. Без отказа от понятий «наш ислам» и «не наш ислам» дело не пойдёт. Я думаю, что в будущем мы должны будем уйти от такой формулировки. Кстати говоря, если мы посмотрим на тот же Ближний Восток и вообще на мусульманский мир, там ведь тоже очень похожие проблемы существовали и существуют, например в Северной Африке, в Алжире, Тунисе. Но каким-то образом всё-таки там преодоление, с моей точки зрения, состоялось. Тут надо будет подумать ещё. Подумать надо сейчас, но когда это даст какую-то отдачу, результат – я пока не знаю.

Президент очень много говорил о богословии, образовании. Но когда говорят, что избавление от экстремизма возможно через совершенствование образования, то мне кажется, что это так. Потому что среди тех, кого называют экстремистами, тоже есть весьма образованные люди. Поэтому одним только совершенствованием образования эту проблему не решить, тем более таким хилым, как в России. Сегодня активно пытаются совершенствовать мусульманское образование, им всерьёз занимаются, но если посмотреть на прошлые годы, то выясняется, что и образование растёт, и количество радикалов растёт. Тем более что, как справедливо отмечает Яхьяев М.Я., «увлечённость специальных структур государства силовыми методами борьбы с отдельными носителями радикальных идей» ещё больше обостряет, усиливает экстремизм [1, с. 13]. Тут тоже есть над чем подумать.

И последнее о том, что сказал Путин: в чём-то противоречие, а в чём-то интересный подход – что мусульмане должны активнее участвовать в российской внешней политике. Это говорилось и раньше, но всё приводилось к нулю, потому что те комитеты, которые в Москве работают, они фактически существовали и всё. В Государственной Думе был Комитет по развитию отношений с мусульманскими государствами. Честно говоря, этот комитет ничего не сделал. Но в новых условиях, в особенности в связи с событиями на Ближнем Востоке, вполне справедливо, что мусульманское сообщество, духовные лица, мусульманские политики, могут способствовать улучшению взаимопонимания между мусульманскими народами России. Что, кстати, в США и делается, там ведь тоже неплохо соображают. Если удастся проводить эту линию каким-то образом хотя бы на минимальном уровне, будет неплохо. Хотя в том же самом выступлении Путина было высказано не совсем понятное утверждение, что мы за единство мусульманского мира. Тут возникает вопрос: «А на какой основе?». Трудно себе представить единство христианского мира. Это абсурд. И даже насчёт духовного единства – там есть нюансы. Во всяком случае, не президенту об этом говорить. Здесь нужно быть осторожней, потому что возникают вопросы. Но, так или иначе, то, что было сказано 22 октября, интересно, и, как говорил известный первый секретарь ЦК КПСС, цели определены – задачи ясны, за работу, товарищи. Вот получится ли эта работа?

Литература

1. Яхьяев М.Я. Причины радикализации ислама в современном мире // Исламоведение. – 2012. – № 2.

Поступила в редакцию 25 декабря 2013 года.